

аль-расуль—весь караванъ расположиться рядомъ съ нашею стоянкою, прибавивъ еще нѣсколько разъ—мархаабкумъ! (добро пожаловать).

Шейхъ, а затѣмъ Юза, громогласно передали еще разъ мое приглашеніе, что было совсѣмъ напрасно, потому что караванъ и безъ того уже остановился вполне въ нашихъ владѣніяхъ. Послѣ вторичнаго приглашенія однако, хаджи начали ставить свои походныя палатки изъ войлока, грубо скатаннаго изъ темной верблюжьей шерсти при постоянныхъ восклицаніяхъ:

— Аллахъ-селләмакъ (Господи, благослови)!—и—бэ-бисмилиллахи (во имя Божіе),—обращенныхъ къ Богу или его пророку.

Теперь вокругъ нашей, еще недавно мирной, стоянки образовалось нѣчто въ родѣ базара; люди толпились, путались и копошились, хотя и не безъ дѣла; только одни верблюды были спокойны; разгруженные со спутанными ногами, они бродили вокругъ становища, отыскивая свою незатѣйливую пищу на полувыжженной пустынѣ и изрѣдка только пофырывая, какъ бы отъ наслажденія отдыхомъ послѣ труднаго перехода. Изъ разгруженныхъ пожитковъ образовались небольшія кучи, около которыхъ темнотицы ихъ обладатели разбивали свои незатѣйливые шатры такимъ первобытнымъ способомъ, что казалось, будто передъ нами семья древнихъ евреевъ или блуждающихъ кочевниковъ—семитовъ—дѣтей пустыни, разбиваетъ свои палатки во времена, которыя знаетъ Библія.

Да они и не измѣнились почти съ тѣхъ поръ—истые сыны пустыни... Какими были они во времена Моисея, такими остались и понынѣ. Какъ однообразна и неизмѣнчива пустыня, такъ неизмѣнчивы и обитатели ея—пожалуй, счастливыя дѣти пустыни и свободы... Да и тѣ, которые не могутъ назвать своею матерью пустыню, ея временные гости въ родѣ насъ, или этихъ хаджей, хлопочущихъ около нашей стоянки, не далеко стояли отъ истыхъ дѣтей пустыни въ отношеніи жизненнаго комфорта. Пустыня представляетъ свои условія, она требуетъ, чтобы всякій кто ни придетъ сюда,—гость или постоянный житель ея, жилъ такъ, какъ слѣдуетъ жить въ пустынѣ—этомъ безграничномъ просторѣ, морѣ песковъ, царствѣ свободы, которое, однако, не создано для жизни... Только насильно врывается жизнь въ эту безжизненно-мертвую часть природы и, благодаря своей живучести и могучимъ силамъ приспособляемости, она еще можетъ не только существовать съ боя, но и развиваться въ пустынѣ..